

Ella ZADOROŽNIUK

Rosyjska Akademia Nauk, Moskwa

Конфронтация „режима нормализации” и оппозиции в Чехословакии в конце 1980-х годов XX века

Приближающееся 15-летие „бархатной” революции – повод более дифференцированных оценок этого ключевого события для последнего периода истории Чехословакии. В частности, четче выявляются расхождения в оценках причин, хода и результатов конфронтации „властных” и безвластных¹ в 1989 году – до кульминационного их момента 17 ноября 1989 года. В этом плане значимы ответы на два вопроса: Так ли уж едины были „властные” в стремлении осуществлять „перестройку”, о чем они заявляли? Как готовились „безвластные” к казавшимся неизбежными переменам в стране?

Анализ впервые вводимых в оборот архивных документов, а также опубликованных в последнее время чешских и словацких документальных сборников позволяет утверждать: в стане „властных” правомерно выделение консервативного и прагматического, а в стане „безвластных” – эволюционного и радикального течений. И это очень важно учитывать при оценке перехода противостояния „властных” и „безвластных” из латентной стадии в стадию открытой конфронтации.

Конец 1980-х годов XX века в Чехословакии – время полного „окаменения” режима, введенного в стране после подавления в августе 1968 г. Пражской весны – окаменения перед крушением. Это был конец периода „нормализации”, когда „мороз из Кремля” все

¹ В настоящей статье термином „безвластные”, если использовать известную метафору В. Гавела (см.: V. Havel, *O lidskou identitu*, Praga 1998, s. 55–135), в целом обозначается зародившееся в ЧССР с начала 1970-х годов и стремительно набравшее силу именно к концу 1980-х гг. чехословацкое оппозиционное движение; „властные” – партийно-государственный аппарат режима нормализации.

еще продолжал свое разрушающее действие, но „весна” в других странах – перестройка в СССР и кардинальные перемены в соседних Венгрии, Польше, а затем и ГДР² – считалась неотвратимой.

Признававшие неизбежность перестройки для Чехословакии лишь на словах „властные” в своем большинстве составляли в партийно-государственном руководстве *консервативное течение*. Его приверженцы В.Биляк, А.Индра, Я. Фойтик, М. Якеш и др. выступали сторонниками сохранения „режима нормализации” с некоторыми формальными уступками новым веяниям времени³. *Прагматическое течение* в конце 1980-х годов небезосновательно связывалось в первую очередь с именами глав федерального кабинета министров Л. Штроугала (1985–1988) и Л. Адамеца, занявшего этот пост 12 октября 1988 г.

² *Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие*, М. 2001; *Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века*, т. III, ч. 1–2, М. 2002; В. К. Волков, *Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы*, М. 2000; В. Пречан, *Чехословакия на пути к демократической революции*, в: *Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы...*, с. 26–34; Э. Г. Задорожнюк, *Революции 1989 года и поворот к новой региональной идентичности восточноевропейских стран (по материалам Архива Горбачев-Фонда)*, „Славяноведение” 2000, № 3, с. 3–15; Ю. С. Новопашин, *Восточноевропейские революции 1989 г.: проблемы изучения*, в: *Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы...*, с. 11–25; Р. Парадовски, *Революция 1989 г. в Польше: попытка философского обоснования*, в: *Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы...*, с. 35–42; И. С. Яжборовская, *Политологические подходы к проблематике трансформации общественного устройства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы*, в: *Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы...*, с. 192–202; V. Prečan, *V kradeném čase. Výběr ze studií, článků a úvah z let 1973–1993*, ed. M. Drapala, Praha–Brno, 1994, s. 156–163; V. Prečan, *Středoevropský kontext demokratického převratu v Československu roku 1989*, w: *Novemner 1989 na Slovensku. Súvislosti, predpoklady a dôsledky. Štúdie a úvahy*, ed. J. Pesek, S. Szomolányi, Bratislava. 2000; O. Tůma, *O mezinárodní souvislosti kolapsu komunistického režimu v Československu*, w: *Deset let soudobých dějin*, Praha 2001.

³ М. Barnovský, *Vedenie KSČ a KSS – od nástupu M. Gorbačova po November 1989*, w: *November 1989 na Slovensku. Súvislosti, predpoklady a dôsledky. Štúdie a úvahy*, ed. J. Pesek, S. Szomolányi, Bratislava 2000, s. 30–44; см. также: *Československá cesta k demokracii. Chronologie událostí 1985–1989*, Praha 1999; *Chronologie zániku komunistického režimu v Československu 1985–1990*, ed. J. Suk, J. Cuhra, F. Koudelka, Praha 1999.

Адамец на своей первой встрече с генсеком ЦК КПСС М. С. Горбачевым 2 ноября 1988 г. в Москве признавал, что его приверженцы составляют меньшинство – в центре и на местах. „Откровенно говоря, аппарат не симпатизирует перестройке”, – так обобщил он отношение „властных” в ЧССР к поставленным самой жизнью переменам⁴. Что касается низовых партийных организаций, то они, по словам чехословацкого премьера, руководствовались „старочешским подходом”: „все бурно одобряют перестройку, но никто ничего не делает”⁵.

Уже к самому началу 1989 г. линии разлома внутри партийно-государственного руководства стали более глубокими, а позиции консерваторов ослабли. В этом плане особый интерес представляет встреча 1 апреля 1989 г. в Праге В.В. Загладина с советником Л. Адамеца по внешнеполитическим вопросам Я. Седлаком, который отметил: „Имеются группы людей, которые хотели бы просто вернуться к 1968 году, причем не к первой его половине (когда было много позитивного), а ко второй, когда события пошли не туда. Таких – очень немного, но они активны. Другая часть – и это гораздо более значительная группировка людей, – считает, что нужно взять все позитивное, что было в 1968 году, на этой базе идти вперед, использовать опыт перестройки в СССР. Третьи – таких большинство – хотят настоящей перестройки в ЧССР. Наконец, четвертые – но это *многие представители руководства* [курсив мой.– Э.З.] – боятся и возврата к 1968 г., и перестройки. И даже неизвестно, чего они боятся больше”⁶. Именно „многие представители руководства” продолжали жесткий курс на социалистическую, в советском ее варианте, парадигму развития Чехословакии, причем меняющуюся уже и в самом СССР. Они в основном группировались в партийном руководстве и в силовых министерствах. Приверженцев прагматического течения скорее можно было найти в правительстве.

Что касается „безвластных”, то одна часть оппозиции – эволюционное течение – была готова налаживать диалог с прагматиками из коммунистов, допуская „переговорную” или компромиссную модель

⁴ Архив Горбачев-Фонда, Фонд 1 (далее – Ф.1). М. С. Горбачев Описание 1 (далее – Оп. 1). 88nov02 doc.

⁵ Там же.; см. также: М. С. Горбачев, *Жизнь и реформы*, кн. 1–2, М. 1995, с. 352–364.

⁶ Архив Горбачев-Фонда, Фонд 3 (далее – Ф.3). В. В. Загладин, Описание 1 (далее – Оп. 1). z89apr01b doc.

демонтажа „режима нормализации“; именно в их среде в целом превалировала известная установка на „неполитическую политику“. Другая же часть – радикальная – отрицала диалог с любыми „властными“ и требовала немедленной отставки руководства страны, безотлагательного проведения свободных выборов и формирования на их основе демократических органов власти.

Канун „бархатной“ революции в Чехословакии – 1989 год – начинался беспокойно. В первой половине января вспомнилась годовщина подписания „Хартии 77“; ряд оппозиционных неформальных объединений выступили с резкими политическими заявлениями; активизировалась католическая церковь⁷. Так, созданная в сентябре 1987 г. независимая структура „Демократическая инициатива“ в своем программном документе от 5 января 1989 г. подчеркнуло, что чехословацкий „авторитарный режим“ по причинам внешнего и внутреннего характера был существенно ослаблен и „переход к более демократическому способу правления“ не заставит себя долго ждать⁸.

15 января по призыву оппозиционных групп на Вацлавской площади в Праге должен был состояться митинг – в память о пражском студенте Яне Палахе, свершившем в январе 1969 года акт саможжения в знак протеста против вторжения в страну войск пяти стран Варшавского договора. Власти запретили его проведение, но несмотря на это на прилегавших к площади улицах начали происходить спонтанные демонстрации. Полиция применила против демонстрантов силу, а ряд участников акции, в том числе В. Гавел, подверглись тюремному заключению. „Неделя Палаха“ – 7-дневное (15–24 января 1989 г.) противостояние „властных“ и „безвластных“ побудило вторых четче сформулировать свои позиции.

Уже 16 января в письме, направленном президенту ЧССР Г. Гусаку, активисты „Демократической инициативы“ предъявили „властным“ следующие требования: ликвидация политических и кадровых привилегий и введение тем самым реального равенства граждан перед законом; начало реализации последовательных демократических реформ в политической и экономической сферах; освобождение всех узников совести⁹.

⁷ Československá cesta k demokracii... S. 37–38.

⁸ *Čas Demokratické iniciativy. Sborník dokumentů*, ed. R. Hlušíčková, M. Otáhal, Praha 1993, s. 83.

⁹ Ibidem, s. 85.

Один из оставшихся на свободе спикеров „Хартии – 77“ 22 января 1989 г. подписал документ „К январским событиям в Праге“; в нем хартистами впервые открыто ставился вопрос об отставке тех представителей государственной власти, „которые несут ответственность за плачевное состояние чехословацкого общества“ и замене их „политиками, способными начать широкий общественный *диалог* [курсив мой. – Э.З.]”¹⁰. Основанное 15 октября 1988 г. неформальное объединение „Движение за гражданскую свободу“ в заявлении от 26 января 1989 г. содержало требование освободить задержанных в дни проведения „Недели Палаха“ граждан и всех остальных политзаключенных, создать федеральную парламентскую комиссию по расследованию действий полиции, прекратить репрессии и начать равноправный диалог и переговоры¹¹. В аналогичном ключе прозвучали и призывы неформальной группы „Инициатива деятелей культуры“ в письме от 26 января на имя премьера Адамеца¹².

Кардинальный перелом в деятельности чехословацкой оппозиции был достаточно точно уловлен „властными“. Так, в письме от 1 февраля 1989 г., направленном секретариатом ЦК КПЧ низовым партийным организациям говорилось: „Нелегальные группировки перешли от позиций моральных и демократических обновителей социализма к открытым призывам деструкции социализма и его замены политической и экономической системой по образу буржуазных обществ”¹³. Вслед за этим последовали предписания официальных властей ужесточить административные меры против оппозиции. Президиум ЦК КПЧ направляет 6 февраля 1989 г. по телетайпу в низовые партийные организации письмо о мерах против деятельности независимых гражданских инициатив. В шести его позициях расписаны сферы предполагаемой деятельности нелегальных структур; слежение за каждой из них было закреплено за

¹⁰ Charta 77 (1977–1989). *Od morální k demokratické revoluci. Dokumentace*, ed. V. Prečan, Scheinfeld-Schwarzenberg–Bratislava 1990, s. 353.

¹¹ *Hnutí za občanskou svobodu. 1988–1989. Sbornik dokumentů*, ed. R. Hlušíčková, B. Čiřáňová, Praha 1994, s. 86–87.

¹² *Hlasy občanské společnosti 1987–1989. Výběr z textů a dokumentů*, Praha 1999, s. 56.

¹³ *Vedení KSČ o disentu a opozici. Dokumenty z ledna 1986–října 1989*, ed. F. Koudelka, A. Nosková, V. Prečan, Praha 1999, s. 27.

ответственными партаппаратчиками и определены даты их отчетов о проделанной работе.

Однако гражданское неповиновение уже трудно было остановить, а важнейшей формой его проявления стали подписные акции: в январе–феврале 1989 г. против действий полиции во время мероприятий, посвященных памяти Яна Палаха; позднее – в поддержку освобождения из тюрьмы В. Гавела¹⁴. Один из таких документов – „Петиция чехословацких граждан к событиям 15–21 января” – адресовался ФС ЧССР, президенту, председателю правительства ЧССР, Комитету чехословацкой общественности по правам человека, ЧТК и редакции газеты „Руде право”. Знаменательным ее мотивом явилась не только констатация протеста „безвластных” против незаконных действий официальных властей во время „Недели Палаха”, но и переход к изложению „программы действий”. „Решительно требуем, – говорилось в сопроводительном письме от 2 февраля 1989 г. к Петиции, – немедленно начать открытый широкий общественный диалог о причинах и возможностях прекращения и предотвращения экономического и морального распада, затронувших в последние десятилетия чехословацкое общество”¹⁵. К 15 февраля 1989 г. Петицию подписали 3367 чел.¹⁶, а к 30 апреля – 5066 чел.¹⁷. Как и следовало ожидать, реакция партийно-государственного руководства на подобные действия была предсказуемой и квалифицировалась как „подрыв власти”.

„Неделя Яна Палаха” явилась импульсом активизации широких кругов общественности, в частности студенчества. Двадцать лет – время вхождения в общественную жизнь нового поколения, и, как показали дальнейшие события, память о трагической гибели студента Палаха стала детонатором стремления по-новому устроить жизнь, не доверяя власти, но и не в полной мере довольствуясь трудно понимаемым и воспринимаемым лозунгом „неполитической политики”. В этом плане, как представляется, можно утверждать: прологом ноябрьских „десяти дней” (известная метафора Т. Г. Эша

¹⁴ В. Пречан, *Чехословакия на пути к демократической революции*, в: *Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие*, М. 2001, с. 30.

¹⁵ J. Vladislav, V. Prečan, *Horký leden 1989 v Československu*, Praha 1990, s. 123.

¹⁶ Ibidem, s. 130.

¹⁷ M. Otáhal, *Opozice, moc, společnost 1969–1989*, Praha 1994, s. 58.

о том, что революция в Чехословакии проходила в течение 10 дней) стали январские „семь дней”.

События зимы 1989 года получили разные оценки за границей, в первую очередь в СССР. В аналитических записках В. В. Загладина¹⁸ для Политбюро ЦК КПСС подчеркивалась значимость трех проблем: отсутствие перестройки в партии, которая продолжает работать по-старому; трудности в руководстве партии и государства; слабая работа в массах. „Что касается первого, – писал Загладин, – то, как отмечали собеседники, здесь действует синдром 1968 года, с которым соединяется синдром перестройки”¹⁹. „Сейчас, – констатировалось в аналитической записке, – многие бывшие левые, или, как их называли в 1968 году здоровые силы, спешно покидают свои старые позиции, из просоветских деятелей становятся антисоветскими. Таким уже стал В. Биляк, – хорошо, что он ушел, – но влияние на М. Якеша еще сохраняет. Сейчас ту же эволюцию проделывают А. Индра и Я. Фойтик. Они фактически тормозят перестройку в ЧССР, не переставая бросать тень сомнения и на перестройку в СССР. Тов. Якеш с этой линией не согласен, он хочет перестройки, хочет идти вперед, но, как говорили многие, он недостаточно тверд, да к тому же в осаде, – окружение на него влияет сильно и весьма противоречиво”²⁰.

1 апреля 1989 г. Загладин встречался с Я. Пудлаком, весьма трезво мыслящим партфункционером, признававшим, что его страна переживает глубокий морально-политический кризис, который может быть сравним с тем, который предшествовал 1968 году. „Отличие в том, – подчеркивал собеседник Загладина, – что ныне материальное положение масс значительно лучше, чем в 1967 г., что для чехов значит много. К тому же в Словакии достигнут большой прогресс, там это очень ценят. Однако эти позитивные факторы – на грани исчезновения. Экономически страна переживает большие сложности, фактически застой, сопровождаемый предкризисными явлениями”²¹. На его взгляд, имелись три проблемы, требовавшие безотлагатель-

¹⁸ Составлены по итогам визитов в ЧССР в начале апреля 1989 г., а также во время встречи в Праге по проблемам общеевропейского дома 31 апреля–2 мая 1989 г.

¹⁹ Архив Горбачев-Фонда, Ф. 3. Оп. 1. z89apr31doc.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. z89apr01a doc

ного решения: отсталая структура экономики, отсталость технической базы, бюрократизм системы управления (несмотря на реформу). „В случае, если это положение будет сохраняться, – утверждал Пудлак, – неизбежно снижение жизненного уровня масс и тогда могут возникнуть широкие массовые движения”²².

Оценивая состояние чехословацкого общества в целом, Я. Пудлак пришел к следующему выводу: „В массах, причем во всех слоях общества, но прежде всего в среде рабочего класса, интеллигенции и молодежи, накопился большой заряд недовольства. В значительной мере оно вызвано, помимо осознания неблагоприятности положения, разрывом между громкими лозунгами о перестройке и пассивностью в их реализации”²³. Далее Пудлак обратил внимание на формирование в Чехословакии „широкой оппозиции”, указав на ее неоднородность. „Если бы, – продолжал он, – действовали только враждебные группы типа Хартии или Обновления”²⁴, это было бы полбеды. Но наряду с ними существует значительная (до полумиллиона человек) группа бывших членов партии, которые, не примыкая к оппозиции (за исключением единиц), выражают активное недовольство и собственным положением, и положением в стране”²⁵.

По мнению Пудлака, который ссылался на то, что такой же точки зрения придерживаются очень многие коммунисты (и это, как утверждал Загладин, подтвердилось в ходе других его встреч), „руководство не проявило умения рассчитывать на несколько ходов вперед”²⁶. Можно утверждать, что уже с данного времени, то есть с января 1989 г., намечается изоляция руководства партии и госаппарата не только от политически активизирующихся граждан страны, особенно молодежи, но и от рядовых коммунистов.

Итак, среди партийной верхушки в целом следует отметить отсутствие – даже немногим более чем за полгода до „бархатной” революции – понимания необходимости полноценного и равноправного диалога с набиравшей силу и все более громко заявлявшей о себе оппозицией. Загладин, как видно из приводимого документа,

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Имеется в виду клуб „Возрождение – за социалистическую перестройку”, созданный опальными коммунистами-реформаторами в середине февраля 1989 г.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

зафиксировал данный момент и, надо полагать, проинформировал свое партийное руководство об отнюдь не простой ситуации в одной из стран „социалистического содружества”. Но события в связи с состоявшимися 26 марта 1989 г. первыми альтернативными выборами делегатов Съезда народных депутатов СССР, на которых официальные кандидаты от КПСС потерпели поражение во многих округах, отодвинуло данную информацию на задний план. Проблемы „разморозки” влияния Кремля „властным” в Чехословакии приходилось решать самостоятельно, а это были далеко непростые проблемы.

Правда, весной 1989 г. „властные” насторожились, отмечая 5 мая в аналитической справке о положении в стране: „Внутренние враги при всесторонней поддержке из-за рубежа продолжают взятый ими с середины прошлого [т.е. 1988 года. – Э.З.] курс на конфронтацию”²⁷. В документе говорилось: „Если в конце 1988 г. существовало около 22 различных объединений, то в 1989 г. к ним прибавилось еще 23 (помимо церковных структур)”²⁸. Следует отметить, что в целом в стране в августе 1989 г. развивали свою деятельность 39 независимых инициатив²⁹.

Партийными аналитиками проведена в документе типологизация чехословацкого оппозиционного движения и выделены два формировавшихся в нем течения: радикальное и реформистское. Радикальное течение, по их оценкам, было представлено „Хартией 77”, „неполитичность политики” которой небезосновательно ставилась ими под сомнение, а инициативы хартистов по налаживанию диалога отвергались.

Партийные аналитики в целом верно подметили смену тактики „Хартии 77”: „Подтвердилось также предположение, что главное вражеское объединение Хартия останется в тени, а всю инициативу по подготовке провокационных акций она возложит на свои сателлитные так наз[ываемые] независимые инициативы”³⁰. В то же время, справедливо подчеркивая попытки оппозиции вовлечь в свои планы молодых людей и студентов, секретарит ЦК КПЧ, как показал последующий ход „бархатной” революции, сильно переоценивал возмож-

²⁷ Vedení KSČ o disentu a opozici..., s. 39.

²⁸ Ibidem.

²⁹ M. Otáhal, *Opozice, moc, společnost 1969–1989...*, s. 70.

³⁰ Vedení KSČ o disentu a opozici..., s. 40.

ности хартистов. Как показали последующие события, студенты приняли решение об организации демонстрации 17 ноября 1989 г. самостоятельно, принципиально не подключая к подготовке данной акции иронично именуемых ими „профессиональных революционеров”³¹.

В то же время ко второму течению в чехословацком оппозиционном движении, согласно партийной градации, относились „реформисты” – „часть бывших деятелей КПЧ, исключенных за свои правые взгляды, а также бывшие правые члены социал-демократической партии”. Говорилось о намерении представителей данного течения, объединившегося в независимой структуре „Клуб за социалистическую перестройку – Возрождение” „сформировать левый оппозиционный блок, способный при определенных обстоятельствах оказать влияние не только на бывших и нынешних членов КПЧ, но и на часть рабочего класса”³². Но этот „враг” был во многом создан искусственно. Более того, „властные” видели в качестве столь же опасных противников и своих возможных, но так и несостоявшихся союзников. Неприятие в основном бывших „своих”, на наш взгляд, напоминало чем-то отношение большевиков к меньшевикам в ходе Октябрьской революции. Следует особо подчеркнуть, что „властные” настойчиво продолжали проводить разграничительные линии в чехословацком оппозиционном движении по критериям „левых” и „правых”, причем даже там, где быть их не могло уже просто по определению.

26 мая 1989 г. представителями „Демократической инициативы” был самостоятельно разработан проект политической программы „Хельсинкская инициатива к демократизации Чехословакии и созданию правового государства”, в которой предлагались конкретные действия в следующем порядке: а) до 28 октября 1989 г. – дате образования независимой Чехословакии – одобрить конституционный закон о завершении к 1 января 1990 г. деятельности ФС ЧССР, о выборах в учредительное собрание и о подготовке новой демократической конституции; б) до мая 1990 г. провести выборы в учредительное собрание; в) до 1 января 1991 г. разработать новую конституцию и новый избирательный закон; г) завершить к 1 мая

³¹ *Deset pražských dnů. Listopad 1989. Dokumentace*, ed. M. Otáhal, Z. Sládek, Praha 1990, s. 593.

³² *Vedení KSČ o disentu a opozici...*, s. 39.

1991 г. дискуссии; д) до того же 28 октября, но только 1991 г., предложить конституцию и избирательный закон о выборах в федеральный парламент на всенародное голосование; е) в январе 1992 г. провести выборы в Федеральное собрание³³. Опыт начавшихся преобразований в Москве в связи с подготовкой и проведением Съезда народных депутатов вселял уверенность в осуществимость данной программы.

29 июня 1989 г. радиостанция „Свободная Европа” и другие зарубежные средства массовой информации передали адресованное чехословацким властям воззвание „Несколько фраз”, ставшее символом гражданского неповиновения в ЧССР. Его подписали хартисты, некоторые деятели культуры и науки (в том числе из Словакии), а также представители словацкой политической католической оппозиции. Официальные власти ЧССР сразу же объявили воззвание „манифестом контрреволюции”³⁴.

В документе „О подготовке новой конституции и так наз. руководящей роли КПЧ”, датированным 10 июля 1989 г., „Хартия-77” вносила конкретное требование референдума по основным статьям будущей новой конституции. Более того, предлагалось проведение „действительно свободных выборов” и формирование по их итогам „чрезвычайного Законодательного собрания, которому следовало поручить разработку новой конституции”³⁵. Тем самым „Хартия 77” выходила на уровень выдвижения конкретных политических требований, включавших неотъемлемые атрибуты демократических процедур смены государственной власти, включая проведение свободных выборов.

Важнейшей вехой в конфронтации „властных” и „безвластных” явилась годовщина вторжения в ЧССР войск пяти стран Варшавского договора, отмечавшаяся в Праге, Брно и других городах страны. Инициаторами ее проведения стали „Движение за гражданскую свободу”, „Демократическая инициатива” и „Общество Т. Г. Масарика”, призвавшие своих приверженцев к проведению „мирного и неконфронтационного протеста”³⁶. Эти события позво-

³³ *Čas Demokratické iniciativy...*, s. 132; см. также: *Hlasy občanské společnosti 1987–1989...*, s. 67.

³⁴ Архив Горбачев-Фонда, Ф 3. Оп. 1. z89avg07 doc.

³⁵ *Charta 77 (1977–1989)...*, s. 373.

³⁶ *Čas Demokratické iniciativy...*, s. 168.

лили представителям чехословацкого оппозиционного движения еще раз взвесить свои силы и прийти к следующим важным выводам: „Двадцать первым августа борьба за формирование демократического плюралистического общества *вступила в новую фазу*. На этом этапе общественного развития решающее значение будет иметь *единство* (курсив мой.— Э.З.) независимых инициатив”³⁷. К этому периоду относится интенсификация контактов лидеров чехословацких оппозиционных течений с их польскими и венгерскими коллегами. Показательным в этом плане является в частности начавшийся 21 августа неофициальный визит в Чехословакию активистов польской „Солидарности” (А. Михник, З. Янас, Я. Литински, М. Ясинки и З. Буяк), которые встречались с А. Дубчеком, В. Гавелом, кардиналом Томашеком и другими лидерами чехословацкой оппозиции”³⁸.

Все эти события свидетельствовали: лето в Чехословакии нельзя было назвать спокойным и тем более успокаивающим. Это подтверждает и тревожный тон аналитической записки В.В. Загладина (7–28 августа 1989 г.). В документе практически менее чем за три месяца до начала „бархатной” революции ставился акцент на „широко распространенных среди простых людей (и высказываемых вслух) настроениях разочарования, неуверенности”, о проявлявшемся в среде интеллигенции „чувстве безысходности, отсутствия перспективы”³⁹. „Если судить по общему настрою людей, — пишет Загладин, — по рассказываемым грубым, направленным против руководств анекдотам и т.д., то обстановку можно сравнить с ситуацией примерно 1966–1967 гг. (которую я хорошо помню)”⁴⁰.

Комментируя настроения в обществе, собеседники Загладина отмечали, что „люди чувствуют себя обманутыми”. Объявленное в конце 1987 г. намерение нового лидера ЦК КПЧ М. Якеша, сменившего Г. Гусака на посту генсека⁴¹, приступить к перестройке и демократизации „вызывало волну надежд”. Но уже к середине 1989 г.

³⁷ Ibidem.

³⁸ *Československ cesta k demokracii...*, s. 57.

³⁹ Архив Горбачев-Фонда. Ф 3. Оп. 1. z89avg07 doc.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См.: F. Koudelka, *Husákův pád 1987. Dokumenty k oddělení funkcí prezidenta ČSSR a generálního tajemníka KSČ a k nástupu Miloše Jakeše do čela KSČ*, w: *Soudobé dějiny*, Praha 2000, № 3, s. 473–525; V. Plevza, *Vzostupy a pády. Gustáv Husák prehovril*, Bratislava 1991.

стало очевидно, что эти „надежды не оправдываются. Заметных перемен не произошло, а те, которые имели место, носили во многом формальный или чисто словесный характер, противоречили реальным действиям руководства”⁴². Так под аккомпанемент общих разговоров о демократизации, участилось применение жестких административных мер против оппозиции и шире – всех несогласных.

Что касается готовящейся чехословацкими официальными властями реформы конституции в духе демократизации – важного поля столкновения „властных” и „безвластных”, равно как и возможной платформы для их плодотворной дискуссии – то участвовавшие в этой работе Б. Кучера и В. Янку свидетельствовали: поправки незначительны, фактически они, в большинстве своем, фиксировали то, что уже имело место. В начале 1989 г. много разговоров шло о реформе избирательной системы (состязательность кандидатов), о чем на Пленуме ЦК КПЧ говорил М. Якеш. „Но после выборов в СССР, – замечает Загладин, – соответствующее место из публикации его доклада было изъято, а на местах партийные работники прямо говорят: состязательность подорвет их позиции. Б. Кучера рассказывал, что все это со временем вызывает крайне негативные настроения в Федеральном Собрании. После съезда Народных депутатов СССР там ширятся разговоры о том, что парламент должен играть более активную и независимую роль, не просто штамповать чьи-то решения”⁴³.

В целом, по словам собеседников В. В. Загладина, „имеет место своего рода раскол общества. Б. Кучера весьма определенно говорил о необходимости его преодоления, сплочения людей. Затяжка этого процесса может быть пагубной – она способна привести к объединению значительной и прежде всего интеллектуальной части общества, а также части рабочего класса на платформе, враждебной руководству”⁴⁴.

Факты и документы показывают, что в чехословацком обществе именно эти процессы уже происходили. 21 августа его представителями было встречено протестами и демонстрациями, а если учесть, что в ряде стран, введших 21 год тому назад свои войска в Чехословакию, реформы и более радикальные преобразования шли куда

⁴² Архив Горбачев-Фонда. Ф 3. Оп. 1. z89avg07 doc.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

более быстрыми темпами, осень обещала стать весьма и весьма жаркой. Пути решения кризиса виделись „властными” в следовании проторенными в годы нормализации способами. Вместе с тем собеседники Загладина уже смело критиковали ситуацию, когда борьба „против идей и действий правых ведется старыми, в основном милицейскими методами”⁴⁵. Как следует из документа, часть партаппарата не исключала „конструктивного диалога” с недовольной частью общества, однако он, по убеждению „властных”, ни в коем случае не мог распространяться на „правых”, то есть представителей чехословацкого оппозиционного движения. И иного выхода из сложившейся ситуации, кроме как активизации „работы с массами”, „властные” накануне „бархатной” революции, пожалуй, себе просто не представляли и представить не могли.

Загладин еще в начале августа 1989 г., то есть практически за два с половиной месяца до начала ноябрьских событий указывал на наличие полярных течений в партийном руководстве: „...большинство нынешнего (т.е. чехословацкого. – Э.З.) руководства категорически против любых корректив в отношении прошлого. Психологически это можно понять: ведь если такие коррективы вводить, то многим придется уходить”⁴⁶. По его оценкам, если говорить о количественных характеристиках консервативного течения пражского режима, оно, во-первых, составляло большинство, а во-вторых, стремилось любыми путями сохранить в ЧССР статус-кво. „Получается так, – констатировал Загладин, – что представители самых здоровых сил 1968 г. занимают сейчас наиболее консервативные, а в чем-то и антисоветские позиции”⁴⁷.

В. Загладин приводит мнения экономистов – сотрудников Института прогнозирования ЧСАН (в то время там работали В. Клаус, В. Длоуги, М. Земан, Т. Ежек и др.), который возглавлял В. Комарек. Они указывали, в частности, на архаичность структуры экономики, нуждавшейся в корректировке, которая „пока не осуществляется (отчасти в силу опасения, что структурные перемены, могущие затронуть 200–300 тыс. рабочих, вызовут в стране серьезное недовольство. Эта проблема становится тем более острой, что предстоит конверсия

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

военного производства)»⁴⁸. Говорилось также о медленном обновлении производственного аппарата, вследствие чего усугублялась отсталость технической базы промышленности, указывалось на рост разрыва в техническом и технологическом уровне с Западом. „В результате стремления, исходя из политических мотивов, во что бы то ни стало поддерживать высокий уровень жизни, доля накоплений недопустимо снизилась, – идет проедание экономической базы страны”, – констатировали собеседники Загладина⁴⁹. По оценкам Института прогнозирования, „еще два-три года даже при подобном развитии экономика может продерживаться на плаву. Но затем, если не принять серьезных мер, наступит кризис и в производстве, и в снабжении населения”⁵⁰.

Делая выводы о проблемах внутреннего положения ЧССР и отношения там к советской перестройке, Загладин выделил двойственность или даже тройственность суждений в отношении перестройки со стороны руководства:

- „**нам** напрямую говорят о поддержке перестройки; в последнее время высказывают и озабоченность в связи со встречающимися трудностями и негативными процессами.
- **в своем кругу** считают наши действия отходом от марксизма и принципов социализма;
- **публично** в самой Чехословакии общие фразы в речах и в печати в поддержку перестройки сопровождаются все более частой и открытой, хотя и анонимной, критикой наших идей, „нового мышления”, некоторых наших оценок международного положения (например, тезиса о постепенном размывании „образа врага” на Западе, чему была посвящена специальная статья в „Руде право”). В печати активно воспроизводятся любые сообщения о наших трудностях и негативных явлениях, тогда, как позитивного материала крайне мало”⁵¹.

Вместе с тем „на другом уровне – рядовые граждане, ученые, журналисты – в большинстве своем (хотя люди и обеспокоены негативными явлениями, просят разъяснения) искренне и с глубоким сочувствием относятся к перестройке, по-прежнему связывают свои

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

надежды на лучшее будущее с ее успехом. Нередко можно было слышать: Если у вас перестройка сорвется, и нам конец. Правда, в определенной части общества, которую можно назвать мешанской (работники торговли, сферы обслуживания) отношение к нам скептическое, часто недружелюбное, даже враждебное”⁵².

Следует подчеркнуть отмеченные Загладиным оценки чехословацким партийно-государственным руководством крушения коммунистических режимов в Венгрии и Польше: „Оценки (сверху) однозначные: реставрация капитализма. Говорят: Чехословакия попала в клещи. Беспокойство товарищей можно понять. Однако к сожалению, полагают, что ход событий в Польше и Венгрии – результат нашей перестройки, которая-де содействует размыванию социализма”⁵³.

Во многом предсказанные в данном архивном документе кризисные процессы не заставили себя долго ждать. 20 октября 1989 г., то есть меньше чем за месяц до „бархатной” революции ряд независимых инициатив („Демократическая инициатива”, „Движение за гражданскую свободу” и клуб „Возрождение”) выступили с совместным заявлением в связи с очередной (28 октября) годовщиной образования Чехословакии. В заявлении впервые четко формулировалась программа действий ряда независимых чехословацких инициатив по формированию новых органов исполнительной власти на основе свободных демократических переговоров и свободных выборов. „Спасти республику невозможно без правительства национального доверия”⁵⁴, – резюмировалось в документе.

Казалось бы, начался всего лишь очередной круг согласований, увязываний, надежд... Тем более, что подготовительная работа по созданию Координационного комитета чехословацкой политической оппозиции затягивалась и в итоге до события 17 ноября 1989 г. он так и не появился. Причины – не только в непрекращавшихся репрессиях, но также и в расхождениях в самой оппозиционной среде по целому ряду тактических вопросов⁵⁵.

Партийные же круги готовились не к переговорам, круглым столам или диалогу. В циркуляре от 18 октября 1989 г., переданном

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Hnutí za občanskou svobodu. 1988–1989...*, s. 229.

⁵⁵ *Ibidem*, s. 15–18.

практически за месяц до начала „бархатной” революции по телетайпу, генсек ЦК КПЧ М. Якеш извещал первых секретарей краевых (местных), районных (окружных) комитетов КПЧ и КПС о внутривластном положении страны и деятельности „внутреннего противника”⁵⁶. В нем обращалось внимание на следующее: „Так наз[ываемые] независимые группы и их представители во главе с Хартией 77 пытаются в настоящее время объединить свои силы и создать единую оппозиционную партию”⁵⁷. Кроме того, как указывалось в документе, „нелегальные структуры при активной поддержке зарубежной пропаганды” готовят на 28 октября 1989 г. открытую конфронтацию с государственной властью”⁵⁸. Что же в этой ситуации делать? Всемерно, как рекомендует Якеш, им противостоять. Тем самым правящий режим по-прежнему твердо придерживался линии на эскалацию конфронтации. Общий тон данного документа – страх и боязнь, неумение выйти за рамки штампов и догм, но одновременно и надежда, что ситуация как бы разрешится сама собой, если умело использовать административные рычаги. Действительно, ведь так уже не раз было в течение более чем 20-летней „нормализации”...

Констатация правящим режимом кризисного положения в обществе в чем-то объективная и сходная с оценками оппозиции. Однако пути выхода из этого положения – диаметрально противоположные и кардинально различающиеся. Если партийное руководство видело единственный выход в приведении в действие административных рычагов, обвиняя себя в недостаточной активизации работы с массами, то оппозиция – в коренных политических преобразованиях: одними – в радикальной (бескомпромиссной), другими – в эволюционной (компромиссной) форме. „Делиться” властью с „безвластными” по примеру польской или венгерской „братских партий” пражский режим по-прежнему не хотел.

За неделю до начала „бархатной” революции радикальная часть чехословацкого оппозиционного движения сделала первый шаг на пути к созданию реальной многопартийности в ЧССР. 11 ноября 1989 г. „Демократическая инициатива” представила в МВД ЧССР просьбу о своей регистрации в качестве независимой политической

⁵⁶ *Vedení KSČ o disentu a opozici...*, s. 54–58.

⁵⁷ *Ibidem*, s. 55.

⁵⁸ *Ibidem*.

партии. В прилагавшейся программе содержались следующие требования: формирование переходного правительства национального сосуществования, завершение к 1 февраля 1990 г. деятельности ФС ЧССР и безотлагательное назначение свободных выборов в переходный представительный орган, на который возлагалась разработка новой конституции⁵⁹. Отставка правительства, а не диалог с ним, т.е. ярко выраженная „политическая политика” – такова суть этого документа. Его появление совпадало с радикализацией студенческого движения в Праге и Братиславе⁶⁰. Голоса „безвластных” начинали звучать все громче. Между тем „властные” все больше и больше становились похожими на „генералов без солдат”⁶¹, постоянно твердившими о своей готовности вести непрерывную войну „единым фронтом”, которого фактически не было; мыслящие же по-новому люди оттеснялись в руководстве партии на задний план.

К 17 ноября 1989 г. в Чехословакии „властные” с тревогой ощущали, а „безвластные” с надеждой признавали неизбежность кардинальных политических перемен. Причем одна часть первых – консервативная – видела способы их сдерживания на путях упрочения такого „развитого социализма”, от которого отказывались даже в СССР. Другая же – прагматическая – признавала, что одной модернизацией экономики обойтись уже невозможно и выступала за диалог с „безвластными”.

Оппозиция была едина в главной цели – демонтаже „режима нормализации” – но не в средствах и в путях ее достижения. При этом одна его часть – приверженцы „неполитической политики” – до событий 17 ноября (да и некоторое время после них) предполагала осуществлять этот демонтаж в режиме диалога с прагматическим течением „властных”, ориентируясь на эволюционный, основанный на компромиссе, путь развития ЧССР. Другая часть – приверженцы радикальной модели трансформации чехословацкого общества – выступала с требованиями немедленной отставки правящего режима,

⁵⁹ *Čas Demokratické iniciativy...*, s. 200.

⁶⁰ См.: J. Rychlák, *Rozpad Československa. Česko-slovenské vzťahy. 1989–1992*, Bratislava 2002, s. 68; *Vyhlasenie k 16. novembra 1989*, „Proglas”, Bratislava 2000, № 3, s. 41; *История Словакии. Перевод со словацкого и английского*, М. 2003, с. 359.

⁶¹ A. Ort, *Perestroika and Czechoslovakia*, w: *Soviet Perestroika. 1985–1993. Russia's Road to Democracy*, N.Y. 1995, s. 160.

безотлагательного проведения свободных выборов и формирование на основе их итогов новых демократических органов власти.

И все же не столько отмеченные конфронтационные процессы между „режимом нормализации” и оппозицией, сколько движение снизу задавало в Чехословакии темп историческим преобразованиям после 17 ноября 1989 г. Именно оно по-своему расставляло политические приоритеты, чем это предполагалось различными направлениями в среде как „властных”, так и „безвластных”. В конечном счете успеха добивались те деятели из рядов чехословацкой оппозиции, которые, корректируя „на марше” свои прежние планы, попадали в тон этим ожиданиям.

Summary

The paper refers to Russian and foreign archival documents, which became the basis for the analysis of relationships between the „party-and state authorities” and opposition in the Czech Republic in the late 80s of 20th century. State authorities with conservative bias demanded that the „normalization” regime be stricter whereas „pragmatists” were contemplating a dialogue with the opposition. After the events of November 17 for a very long time also the followers of „non-political politics” in the opposition considered a dialogue with the pragmatic faction of the state authorities whereas the radical wing representatives were calling for immediate free elections and establishment of democratic institutions of power.

However, it was the upward movement, beginning with the student demonstration of November 17, 1989 and ending with mass demonstrations which gathered as many as 700,000 people in Prague in the end of November, that gave momentum to historic transformation in the Czech Republic as it came up with its own hierarchy of historical priorities different from that of numerous government and opposition circles. These activists who were able to adjust their former standpoint to social expectations enjoyed public support.

Streszczenie

W artykule, na bazie rosyjskich i zagranicznych archiwalnych dokumentów poddane zostały analizie relacje między „partyjno-państwowym kierownictwem” i opozycją w Czechosłowacji w końcu lat 80-tych. Konserwatywnie nastawieni przedstawiciele władz domagali się zaostrzenia reżymu „normalizacji”, natomiast „pragmatycy” brali pod uwagę dialog z opozycją. W opozycji zwolennicy „niepolitycznej polityki” też – do czasu wydarzeń z 17 listopada, a także jeszcze długo po nich – brali pod uwagę dialog z nurtem pragmatycznym kierownictwa państwowego, natomiast zwolennicy radykalnego skrzydła domagali się natychmiastowego przeprowadzenia wolnych wyborów i formowania demokratycznych organów władzy.

Ale właśnie ruch oddolny – począwszy od demonstracji studenckiej z 17 listopada 1989 roku i kończąc masowymi demonstracjami, gromadzącymi w Pradze w drugiej połowie listopada nawet po siedemset tysięcy uczestników nadawało w Czechosłowacji tempo przemianom historycznym, inaczej akcentując historyczne priorytety, niż to zakładały różne środowiska zarówno rządowe, jak i opozycyjne. Powodzeniem cieszyli się ci działacze, którzy, umieli skorygować swoje poprzednie stanowisko zgodnie ze społecznymi oczekiwaniami.